

Утро

рассказ

124

Савельева

В БУДНИЕ дни утро Савельева начиналось с журчания электронного будильника, поставленного на шесть тридцать.

Жена просыпалась моментально, распахивала глаза, как заводная кукла, и пару мгновений смотрела прямо перед собой, сосредотачиваясь. После этого вскакивала и устремлялась в новый день, больше уже ни на секунду не замедляя темпа. Делала гимнастику, спешила в душ и через полчаса выходила оттуда причёсанная, со свежим макияжем. Подходила к кровати, на которой Савельев делал вид, что спит, и говорила:

– Вставать пора.

Он громко, со стоном зевал, хотя сна давно ни в одном глазу, и садился в кровати, стараясь одновременно попать руками в рукава халата, а ногами в тапочки. Кровать скрипела, Савельев хрустел суставами. Потом вставал, раздвигал шторы, впуская в спальню утренний свет, и брёл умываться.

В ванной влажно и пахло Юлиными кремами и лосьонами. Савельев хлопывал за собой раздвижную дверь, и каждый раз ловил себя на мысли, что ему не хочется выбираться наружу из этой тёплой ароматной берлоги.

Когда он, наконец, попадал на кухню, его уже ждал завтрак. Всегда один и тот же набор: кофе со сливками, бутерброд с сыром и овсяная каша. Аппетита не было, но Савельев послушно жевал и прихлёбывал.

Жена к тому моменту обычно одевалась в прихожей, чтобы выйти из дому без двадцати восемь и прибыть на работу к половине девятого. Она никогда никуда не опаздывала, потому что пунктуальность, по её мнению, – главный критерий, отличающий приличного человека от неблагополучного. Помимо этого, приличные люди не повышают голоса, не берут в долг и не выпивают больше двух бокалов вина за вечер.

Иногда Савельеву страшно хотелось заорать, напиться в мясо и взять в кредит миллион. А ещё – спросить, стал ли её утренний поминутно расписанный ритуал результатом долгих тренировок с секундомером в руке? или она родилась такой – раз и навсегда знающей, чего хочет, что правильно, а что глупо и нерационально?

– Савельев, я ушла! – сообщала жена и исчезала за дверью.

Она ни разу не дождалась ответной реплики, и он всякий раз недоумевал: зачем тогда вообще произносить эту фразу? Может, она предполагала, что может не вернуться, и предупреждала на этот случай?

Когда Юля уходила, Савельев испытывал облегчение. Время, когда его по этому поводу мучили угрызения совести, давно прошло. Те несколько минут, которые он проводил утром в одиночестве, помогали перетерпеть весь оставшийся день. Так что это был вопрос выживания.

Жена к повару маминту обротно обращаясь в приколоты, шпота
 вытнн из дому без гвагуати балево и шубов на рабау ...

В будне дни утро Савельва начинается с
 Вента аден и пнотн тне набор; кодре со шив
 с ажурчатая эмен тнрочного дубинчатая, постаньчатого на шельв ...
 каша, гундзюфад с сарган и обелная каша. Амелта кен ...

Многа Савельву кнрашно хотнся
 заоратн, катнтьва в мдво и бзетн в кредит
 мамон. А еше ...

Это утро ничем не отличалось от предыдущих. Савельев прихватил чашку с недопитым кофе и направился в гостиную, собираясь устроиться в любимом кресле возле окна. В этот момент откуда-то сбоку прозвучало:

– Жалко мне тебя.

Савельев замер в нелепой позе, стоя на полусогнутых и отклячив зад. Перевёл дыхание, повернулся и увидел забавного старикана размером с чашку, похожего на персонажа русских народных сказок. Дедок сидел на книжной полке и смотрел на Савельева круглыми насмешливыми глазами.

– Чего над креслом-то навис? Садись, не стесняйся, – разрешил он.

– Господи, – проговорил Савельев. Но сел, даже кофе не расплескал.

«Мне нужно к врачу, – подумал он. – Вероятно, что-то с мозгом».

– Ты сам врач, – напомнил гость. – Хотя и недоделанный.

– Кто вы такой? – спросил Савельев. – Откуда?

– Домовой, кто ж ещё. Из старого дома на Плодовой сюда переехал. В коробке из-под шляпы.

– Домовых не бывает.

– Ой, я тебя умоляю! – Дед поёрзал и посучил ногами. – Ладно, мне тут особо некогда... Я чего показался-то. Смотрел-смотрел – не выдержал. Жалко, говорю, тебя: день-то сегодня – критический!

Савельев хмыкнул и хотел сказать, что такие, если верить телерекламе, бывают только у женщин, но дедок его опередил.

– Тьфу, дурак! Знаю я, чего ты лыбишься! Тебе про жизнь говорят, а не про прокладки срамные.

Ситуация была абсурдной, но Савельев незаметно для себя перестал замечать это и втянулся в разговор.

– И что с ней такое – с моей жизнью?

– Здоровый мужик, жена – здоровая баба, а детей нету! Почему?

– Просто мы не готовы...

– Могли бы и подготовиться за пятнадцать-то лет! – съязвил старик. – Себе хоть не ври: не твоя она по правде жена. Потому и семя у тебя пустое.

«Что ты мелешь! Не моя! А чья, интересно?» – собрался возмутиться Савельев, но не стал. Убеждать плод большого воображения, что у него счастливый брак, было просто смешно.

Старик качнул соломенной шляпой и покотил дальше:

– То-то. Думаешь, больно ты жёнке своей нужен? Она уж скоро год как халаля завела! Знаешь, кем тебя считает? Макарониной разваренной! – Дед хихикнул, но тут же скроил серьёзную мину и выставил перед собой крошечные ладошки. – Успокойся, не в этом смысле, а в том, что ты скучный. Квёлый. Куража в тебе нету. Вот с Лидой было бы...

Затрещал сотовый, и Савельев метнулся в прихожую, радуясь возможности прервать разговор. Звонили из университета.

– Сергей Палыч? Вас уже пятнадцать минут студенты ждут! – прогудела методист Вера Максимовна, которую за глаза называли Трубой. – Когда появиться?

– Который час? – растерялся Савельев. Он был уверен, что нет и восьми.

– Почти девять. Да что с вами такое? Вам плохо? – взволновалась Труба. У Савельева было слабое сердце, и в университете об этом знали.

– Я... да, неважно себя чувствую. Решил прилечь и заснул.

Савельев бормотал извинения, Вера Максимовна, сменившая гнев на милость, уговаривала его отлежаться. После двухминутного пинг-понга решили, что он придёт ко второй паре.

Когда вернулся в комнату, старика уже не было. Или, скорее, быть не могло. «Видимо, я и вправду задремал», – подумал Савельев. Он виртуозно владел умением находить удобные объяснения самым труднообъяснимым вещам. Помотал головой, как собака, выбравшаяся из воды, сунул чашку в раковину, оделся и вышел из квартиры.

Занятия обычно заканчивались около трёх, но он не спешил домой: листал журналы, водил ручкой по бумаге, сплетничал с коллегами, именуя всё это «подготовкой на завтра». На

самом деле Савельев давно ни к чему не готовился. Тексты лекций и планы семинаров были написаны им много лет назад и почти не претерпевали изменений. Можно было посидеть в библиотеке, разнообразить материал, обновить методику, но – зачем? Студентам всё равно, что забывать. У них полно дел куда увлекательнее истории медицины.

Повторять одно и то же год за годом было невыносимо, но поиск новых сведений стал бы не менее унылым занятием. Трудно признавать такое в сорок с лишним, но он понимал, что выбрал не ту профессию. Поначалу осознание этого факта пугало, потом сделалось привычным.

Медицина его никогда не интересовала: он боялся крови, был брезглив и ненавидел биологию. Однако родители были врачами, и он безропотно поплёлся вслед за ними, окончил университет, защитил кандидатскую. Медициной занимался, но врачом так и не стал: ушёл, как всем с гордостью говорила мать, в науку.

Ушёл и заблудился, так и не найдя в ней своего пути.

Сегодня Савельеву было не просто скучно – мучительно находиться в университете. Стены надвигались на него, сжимали и выдавливали наружу, как пасту из тюбика. Он кое-как провёл семинар и прочёл две лекции, не понимая смысла собственных слов, не делая замечаний болтунам, не обращая внимания на студентов, уткнувшихся в экраны новомодных телефонов.

Дома он залпом выпил два стакана воды и позвонил матери. С тех пор, как умер отец, он говорил с нею каждый день: дежурно справлялся о здоровье, выслушивал подробный отчёт о настроении, бессоннице, дурных снах и неуместных замечаниях заклятой подруги Нонны Борисовны. Прижимая трубку к уху, слушал и не слышал. Мамин голос, с годами истончившийся, как и вся её фигура, шея, волосы, произносил слова, которые казались Савельеву иностранными.

– Мам, – тихо позвал он, – мне ка-

жется, со мной что-то происходит. Всё как-то... неправильно.

Мать замолчала. Подумала минутку и строго произнесла:

– Сергей, в чём дело? Ты нездоров?

– Совершенно здоров, мама, я говорю о другом! Понимаешь, вспомнил Лиду и...

– Не понимаю и понимать не хочу! – отрубил мать. – У тебя типичный возрастной кризис. Такое бывает у всех мужчин. Надеюсь, ты не связался с какой-нибудь молоденькой свистушкой?

– Конечно, нет, – поморщился Савельев.

Чёрт его дёрнул за язык: зачем было начинать этот разговор?

– Вот и хорошо. У тебя чудесная жена. Дом – полная чаша!

– И чем же она наполнена, эта чаша?.. Извини, у меня сотовый. Позже перезвоню, – сказал он и повесил трубку, не дожидаясь, что она ответит.

Лида – вот с кем ему хотелось поговорить, кого необходимо было увидеть. Но невозможно.

Савельев пошёл в спальню и лёг на кровать.

Он познакомился с Лидой, когда ему было двадцать шесть, и все вокруг считали его подающим надежды. То, что он их обманул, выяснится ещё не скоро.

Она приехала из глубинки, не поступила и устроилась лаборанткой на кафедру.

– Дешёвое кино! – кривилась мама. – Взгляни на неё! Простушка, провинциалка. Такой брак хорош в книгах, а в жизни смешон. Вскоре ты поймёшь, как ошибся. Тебе будет скучно с ней, ты станешь тяготиться её привычками, раздражаться, но будет поздно! И потом, ты уверен, что она любит именно тебя, а не твою прописку и возможности?

Савельев возмущался, хлопал дверями, а сам потихоньку начинал сомневаться. Вдруг мать права, и Лида просто хочет выгодно выйти замуж?

На пятидесятилетие отца, куда Савельев пришёл с Лидой, мама пригласила свою приятельницу и её дочь Юнону.

Юнона Ильинична Шварцман – так

на самом деле звали будущую жену Савельева. Выйдя за него замуж, она сменила не только фамилию, но и имя. Отчество, правда, оставила.

Мать хотела дать сыну возможность сравнить – и трюк удался. Молчаливая, не слишком хорошо одетая Лида потерялась и поблекла на фоне соперницы.

Сейчас, спустя много лет, Юля казалась ему похожей на блестящую ёлочную игрушку, красота которой греет сердце только раз в году. А после – кому захочется доставать её из картонной коробки? Но в тот вечер Савельев был ослеплён и очарован.

Лида ушла из его дома и из его жизни тихо, никем не замеченная. Уволилась и исчезла. Он не бросился её догонять, не искал встречи. Новый роман захватил, закружил его и вскоре вышвырнул на берег супружеской жизни – растерянного, очумевшего, но, впрочем, уже сознававшего, какого дурака сваял.

Четыре года назад Савельев встретил свою первую любовь на конференции в Смоленске. Только она была уже не просто Лида, а Лидия Семёновна Гладилова, известный невролог, замужняя дама и мать двоих детей – об этом Савельев узнал позже, вечером, когда они отправились в ресторан. Лида давно простила его, а он сидел и каждой клеткой ощущал своё ничтожество. Пил больше обычного, рассказывал пошлые анекдоты, над которыми сам же и хохотал, то и дело принимался вспоминать вызывающие неловкость подробности их свиданий, а закончил тем, что попытался поцеловать её прямо за столиком. Лида молча стряхнула его руки, встала и ушла.

В комнате быстро темнело. Савельев лежал и думал, что Лида была единственной, кого он по-настоящему любил. (Интересно, почему о самых искренних чувствах мы обычно говорим так пафосно и безвкусно?) Но при этом никого и никогда не обижал сильнее, чем её.

Юля вернулась домой в седьмом

часу. Заглянула в комнату, осведомилась, почему он в постели и готовить ли на него ужин. Вместо ответа он спросил:

– У тебя что, любовник есть?

Хотя прежде следовало бы спросить себя: «Меня это хоть немного задевает?» Ответ оказался бы отрицательным.

Сам он постоянно изменял жене. Интрижки были мимолётными и безликими, ничего не стоящими и не оставляющими шрамов на сердце. Любовницы Савельева были похожи друг на друга и на Юлю: ухоженные, прагматичные, остроумные, знающие цену и себе, и Савельеву, и их отношениям.

– С чего ты взял? – Слова прозвучали вяло, будто Юле было лень оправдываться.

– Ни с чего. Забудь... – Он повернулся на другой бок.

Ему тоже было лень выводить жену на чистую воду, устраивать сцену, да и вообще говорить.

Юля недолго постояла на пороге, вышла и закрыла за собой дверь. Спустя некоторое время до него донеслись звуки заставки популярного ток-шоу, которое жена смотрела каждый вечер, не пропуская ни одного выпуска. Савельев представил, как герои сейчас начнут трясти на публике исподним, ведущий – натужно им сочувствовать, а зрители в студии и эксперты – выпрыгивать из кожи, лишь бы подольше задержаться на экране, и ему стало совсем тошно.

Он накрыл голову подушкой, чтобы ничего не слышать. Вскоре заснул, и ему приснилась Лида. На ладони у неё сидел домовый и болтал ножками, обутыми в лапти.

Следующее утро для Савельева не наступило.

В день похорон вдова, наряженная в элегантное тёмное платье, аккуратно промокала в меру покрасневшие глаза платочком, прижимала к груди руки и печально произносила на выдохе, что Бог всегда забирает самых лучших.

